

The account of the opening of a road to Egypt is followed, after a comma, by the mention of Anninē and Metinē in precipitous mountains; Antoine d'Abbadie shows (*Géodésie d'Ethiopie*, map 2) a Mount Annane (altitude 2311 metres) about 7 miles WNW of Dabra Damo. The last sentence takes the campaign to the south. Sēsēa, a tribe living 'on a very great and inaccessible mountain' is described in the scholion as 'plainly tribes of Barbaria'; there is no particular topographical feature that can be picked out for their home; possibly they lived in the Harar uplands. Next are named the Rhausō tribes, living inland from the Incense-country, μεσόγεια λιβανωτοφόρων βαρβάρων, in a waterless plain, which suggests almost anywhere in northern Somaliland. The king then subdued the Sōlatē tribe, which a gloss describes as living by the sea in Barbaria, that is, somewhere on the northern Somali coast. There are serious difficulties in the way of identifying these names with modern tribal names, because we do not know how old these modern names are. Barbaria can pretty safely be equated with 'Berber', and there is a modern Berbera on the Somali coast. Rhausō has been equated with the Arusi Galla, now living in SE Ethiopia, though the people call themselves Arsi; but we have no means of knowing whether this name was in use as early as the third century. Finally, Sasou, 'the furthest land of the Ethiopians where there is much gold called tankharas' (scholion) is possibly the Sidama country of southern Ethiopia — Kāfā, Enāryā, etc. — and the scholiast's statement that 'beyond it lies the ocean' must be due to ignorance of the geography. One would give a lot to know something about the qualifications of the writers of these scholia and glosses.

В. А. БЕЛЯВСКИЙ

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОДЕЖДЫ У ВАВИЛОНЯН В VI В. ДО Н. Э.

Одежда, особенно у цивилизованных народов, наряду с пищей и жильем, принадлежит к числу предметов первой необходимости. В этом отношении можно сказать, что все производство, в конечном счете, имеет целью создание, в первую очередь, пищи, одежды и жилья. Поэтому состояние производства одежды служит одним из важнейших показателей развития общества. Вместе с тем одежда, ее материал, покрой являются одним из главных этнографических признаков народа, изготовившего и пользовавшегося ею. Наконец, одежда, как пища и жилье, прямо связана с географической средой, в которой живет тот или иной народ. На одежде отражаются такие факторы окружающей природы, как климат, рельеф, флора, фауна и т. д.

В VI в. до н. э. вавилонская цивилизация имела за плечами возраст в три тысячи лет. Те времена, когда жители Южного Двуречья ходили полуголыми, в коротких юбичках или оборачивали тело куском ткани, давно канули в вечность. Вавилонское общество VI в. до н. э. знало резкую имущественную и социальную дифференциацию, которая отразилась и на одежде вавилонян. Бедняки и рабы довольствовались короткой одеждой вроде греческой эксомиды (по-вавилонски *mušērtu*), которая служила им на все случаи жизни. Что же касается общераспространенной моды, то она, по описанию Геродота, относящемуся к середине V в. до н. э., выглядела так:

„Одежда вавилонян следующая: спускающийся до пят льняной хитон, поверх его другой, шерстяной, хитон, а затем набрасывается небольшой белый плащ. Употребительная туземная обувь походит на беотийские башмаки. Волосы на голове длинные и скрепляются

повязкой. Все тело умащается. Каждый из них имеет печать и хорошо сделанный посох. Каждый посох украшен сверху искусственным яблоком, или розой, или лилией, или орлом, или чем-нибудь другим; иметь посох без украшения у них не в обычае. Так обращаются они с телом"¹.

Сохранившиеся изображения и письменные памятники вавилонян подтверждают слова Геродота и позволяют уточнить его описание. Так, помимо повязок, вавилоняне носили разнообразные головные уборы. Обувь при входе в помещение они обычно снимали. Женская одежда по составу и покрою мало отличалась от мужской. Непременной принадлежностью туалета свободной вавилонянки вне дома было покрывало, которым она прикрывала лицо. С непокрытым лицом ходили только рабыни и проститутки².

Одежда вавилонян в VII—VI вв. до н. э. мало отличалась от одежды середины V в. до н. э. Меньшее распространение имели льняные одеяния. Ношение печатей вошло в моду только с конца VI в. до н. э. — до этого частные лица, как правило, их не носили и ими не пользовались.

Вавилоняне и их соседи ассирийцы любили цветные одеяния, в отличие от многих других народов древнего мира, например египтян и арабов-бедуинов, греков и римлян, носивших преимущественно белые одежды. Особенно модными у вавилонян считались красный и синий цвета, но были распространены также цвета желтый, зеленый, яблочный, коричневый, оранжевый, черный, белый. Цветное платье, разумеется, было доступно только состоятельным людям, а народ попроще довольствовался одноцветными одеждами, белыми, темными, коричневыми³. Вавилонские моды в древнем мире играли примерно такую же роль, какую в новое время играют парижские моды. Имущие классы соседних стран, в частности Сирии, Финикии, Палестины, Египта, а позже Греции и Рима, платили бешенные деньги за дорогие вавилонские платья, голубые и пурпурные покрывала, узорчатые ткани⁴. Вавилонское покрывало

¹ Геродот, I, 195.

² L. Heuzey, *Costume chaldéen et costume assyrien*, „Revue d'Assyriologie", 22, 1925, pp. 163—168; B. Meissner. *Babylonien und Assyrien*, Bd. I, Heidelberg, 1920, S. 408 ff.

³ H. F. Lutz, *Textiles and Costumes among the Peoples of the Ancient Near East*, Leipzig, 1923, pp. 82, f. 86 f.; B. Meissner, *op. cit.*, S. 254 f.

⁴ Иезекииль, 27: 24.

вало для обеденного ложа *triclinaria babylonica* в середине I в. до н. э. стоило в Риме 800 тыс. сестерциев, а через сто лет император Нерон заплатил за такое же покрывало уже 4 млн. сестерциев⁵. Будучи законодателями моды для соседей, вавилоняне сами делали у них заимствования в области одежды и техники ее изготовления, так что процесс влияния в этой сфере был взаимным. Примером могут служить одежды и вещи из льна.

Лен (шумер. *gada*; вавил. *kita*, *kitinnu*) был известен в Южном Двуречье издревле. Шумеро-вавилонское название льна заимствовано всеми семитскими языками (например, евр. „кутмонет“, араб. „камтан“) и служило для обозначения определенного вида одежды у греков (хитон) и римлян (туника), а в современном английском языке означает „хлопок“ (*cotton*; ср. франц. *coton* — „хлопок“, испан. *coton* — „ситец“, и т. д.)⁶. Однако вплоть до VIII—VII вв. до н. э. в Вавилонии и Ассирии редко носили льняные одежды, и только после завоевания ассирийцами, а затем вавилонянами Сирии и Финикии они быстро вошли в моду. Сирийцы же и финикияне заимствовали эту моду из Египта, где льном пользовались для изготовления одежды с глубокой древности. С VI в. до н. э. Вавилония превратилась в крупнейший в древности центр разведения и обработки льна. Продукция льноткацких мастерских Барсипы, Эриду и Наарды в эллинистическо-парфянскую эпоху пользовалась мировой славой⁷.

В VI в. до н. э. основным сырьем для изготовления одежды у вавилонян служили шерсть и лен. Шерсть давали многочисленные отары овец и коз, принадлежавшие, в основном, храмам и крупным землевладельцам. Пастбища находились преимущественно за пределами собственно Вавилонии. Так, овцы сипхарского храма Эбabbарры паслись в провинции Руцапу, близ армянских гор, а отары будущего вавилонского царя Нергал-шарру-уцпура — в районе Такритаина, на среднем течении Тигра⁸. Рядовые граждане, как пра-

⁵ Плиний, *Естественная история*, VIII, 74.

⁶ H. F. Lutz, *op. cit.*, pp. 62 f.

⁷ H. F. Lutz, *op. cit.*, pp. 18 f.; B. Meissner, *op. cit.*, S. 255.

⁸ J. N. Strassmaier. *Inscriptionen von Nabuchodonosor, König von Babylon*, Leipzig, 1889 (далее Nbk), Nbk 409; *Vorderasiatische Schriftdenkmäler der königlichen Museen zu Berlin* (далее VAS), VI, Leipzig, 1908, Nr. 105.

вило, овец не держали из-за отсутствия пастбищ и либо получали шерсть с храмовых складов, либо покупали ее на рынке. В VI в. до н. э. овцеводство в Вавилонии достигло невиданного ранее расцвета. К этому времени восходят первые определенные сведения об изобретении вавилонянами железных ножниц для стрижки овец⁹.

Древний Восток, в том числе и Вавилония, не знал прялки. Шерсть и лен пряли с помощью веретена с глиняным или каменным пряслицем. Прядением обычно занимались женщины¹⁰. О конструкции вавилонского ткацкого стана нет никаких сведений, но он, вероятно, немногим отличался от египетских горизонтальных и вертикальных станов того времени, поскольку вавилонские ткани по качеству не уступали египетским¹¹.

В VII—VI вв. до н. э. вавилонские мастера достигли крупных успехов в технике окраски тканей. Собственно говоря, они красили не готовую ткань, а шерсть и лен до прядения или же пряжу. Для этой цели издревле применяли местные красители: марену, индиго, охра и т. п. Черные, белые и коричневые ткани получали из шерсти соответствующих цветов без окраски¹². После завоевания Финикии широко распространилось применение такого ценного красителя, как пурпур различных оттенков красного и фиолетового цвета, который финикияне добывали из морских раковин. Для закрепления красок применялись квасцы, привозившиеся из Египта и потому называвшиеся „египетскими квасцами“.

Как и прочие древние, вавилоняне ткали не ткани, а сразу готовые вещи¹³. Но в VII—VI вв. до н. э. покрой одежды настолько усложнился, что в технологии ее производства появилось шитье. Возникла профессия портного, который занимался также починкой и, очевидно, вышивкой одежды¹⁴. Богатые вавилоняне очень любили роскошные вышитые одежды со сложным узором из разно-

⁹ Н. F. Lutz, *op. cit.*, pp. 25—27.

¹⁰ Н. F. Lutz, *op. cit.*, p. 63; B. Meissner, *op. cit.*, S. 254.

¹¹ Н. F. Lutz, *op. cit.*, pp. 40 f., 61.

¹² Н. F. Lutz, *op. cit.*, pp. 82 f., 86 f., B. Meissner, *op. cit.*, S. 254 f.

¹³ „Очерки по истории техники Древнего Востока“, Москва—Ленинград, 1940, стр. 124 сл.

¹⁴ B. Meissner, *op. cit.*, S. 256.

цветных нитей, с золотым и серебряным шитьем, канителью, бахромой. Свой туалет они дополняли большим количеством колец, браслетов, перстней, ожерельев, серег, пряжек, застежек, фибул, булавок и т. п. украшений из серебра, золота, бронзы, меди, железа, драгоценных камней (особенно ценилась синяя ляпис-лазули).

Окончательная отделка текстильных изделий была делом валяльщиков и прачечников. Валяльщики размягчали готовые вещи, тщательно вытаптывая их ногами в ямах или чанах с моющим раствором, выколачивая вальками и наводя ворс щетками из чертополоха. Они же изготовляли войлок. В задачу прачечников входила очистка вещей от грязи. Они стирали с помощью мыла, приготавливаемого из масла с добавкой поташа, соды и квасцов. Они тоже вытаптывали вещи ногами, выколачивали вальками, полоскали в воде и сушили на солнце, которое одновременно отбеливало ткани¹⁵.

Производство одежды у вавилонян в VI в. до н. э. все еще оставалось отраслью домашнего хозяйства. Каждый вавилонянин, не лишившийся собственного хозяйства, стремился обходиться одеждой домашнего изготовления. Об этом свидетельствуют следующие факты.

13 декабря 563 г. Шамаш-иддин, сын Табии, в селении Нуреа нанялся на работу к Бульте, сыну Син-лик-уннини, потомка Иддин-Папсукаля, за 2 мины (1 кг) шерсти и некоторое количество ячменя¹⁶. 18 сентября 553 г. в Сиппаре Наид-Мардук, сын Шамаш-балатсу-икби, в присутствии первосвященника Мушезиб-Мардука назначил содержание своей семье — жене Рамуа и сыну Арди-Бунене — в следующем размере: 4 ка (3,4 л) хлеба и 3 ка (2,5 л) пива в день, 15 мин (7,5 кг) шерсти, 1 пан (30,3 л) сезама, 1 пан соли, 4 суту (20,2 л) горчицы в год¹⁷. 9 июня 530 г. в Сиппаре женщина Хибта отпустила на волю своего раба Базузу, за что тот обязался давать ей „совержение“, в состав которого входили шерсть, сикера горчица, три овцы и т. п.¹⁸.

¹⁵ Н. F. Lutz, *op. cit.*, p. 75; B. Meissner, *op. cit.*, S. 255 f.

¹⁶ VAS V 15.

¹⁷ J. N. Strassmaier, *Inscriptionen von Nabonidus, König von Babylon*, Leipzig, 1887—1889 (далее Nbn), Nbn 113.

¹⁸ J. N. Strassmaier, *Inscriptionen von Cyrus König von Babylon*, Leipzig, 1890 (далее Cyr), Cyr 339.

Во всех случаях (а их число можно увеличить) люди, будь то батрак, разведенная жена или госпожа, отпустившая на волю раба, получали в составе натурального содержания шерсть как предмет первой необходимости. И эта шерсть шла на изготовление одежды в домашних условиях.

Однако далеко не все жители Вавилонии могли изготавливать одежду дома. Бездомные бедняки, жившие поденщиной и ютившиеся в каморках многоэтажных городских домов, рабы, отпущенные господами на оброк и прибавлявшиеся случайными заработками, а также иноземцы, часто посещавшие Вавилонию, — все они нуждались в одежде и покупали ее у ремесленников-профессионалов. У последних имелся еще один круг потребителей — вавилонские и иноземные богачи, которых не удовлетворяла одежда домашнего изготовления. Они хотели одеваться модно и изысканно в дорогие одежды работы мастеров высокой квалификации, а таковые в Вавилонии имелись в достаточном количестве. Некоторые стороны их деятельности нашли отражение в деловых документах того времени.

Прежде всего это была работа на заказ. Так, 4 декабря 569 г. известный вавилонский делец Набу-аххе-иддин, сын Шулы, потомка Эгиби, заказал Силим-Бэлу, рабу Бэл-убаллита, головной убор стоимостью в 3 сикля серебра; раб-мастер обязался выполнить заказ до 22 мая 568 г.¹⁹ 10 января 498 г. Шеллиби, сын Иддин-Набу, потомка Кузнеца, заказал мастеру-ткачу Аппе, сыну Пир'у, потомка Амель-Эа, новую нижнюю одежду стоимостью в 1 сикль серебра, которую тот обязался изготовить к 28 мая 498 г.²⁰ Длительные сроки выполнения заказов (6 и 4 месяца) говорят, с одной стороны, о сложности работы, а с другой — о загруженности мастеров работой.

Другая сторона деятельности ткачей-профессионалов, отразившаяся в документах, — обучение ремеслу учеников, обычно рабов.

24 октября 537 г. Нупта, дочь Иддин-Мардука, потомка Нур-Сина, отдала раба Аткаль-ана-Мардука на пять лет в обучение ткацкому ремеслу. Собственником раба был ее муж Итти-Мардук-балату, сын Набу-аххе-иддина, потомка Эгиби, находившийся в это время

¹⁹ Nbk 307.

²⁰ VAS VI 141.

в отъезде, в Мидии. Мастер Бэл-этир, сын Аппы, потомка Бэл-этеру, взялся обучить раба ткачеству. В контракте предусматривалось: Нупта должна давать рабу по 1 ка (800 г) хлеба в день и рабочую одежду; если раб не будет обучен в срок, то мастер должен будет уплатить за него Нупте дань из расчета 1 ка ячменя за каждый день как за нанятого раба; за нарушение контракта устанавливалась пеня в 20 сиклей серебра.

Аткаль-ана-Мардук успешно закончил учебу (согласно контракту, 28 октября 532 г.) и остался работать у мастера уже в качестве наемного подмастерья. 29 августа 531 г. Бэл-этир заплатил за него его господину Итти-Мардук-балату в качестве дани 5 сиклей серебра, не считая 4 сиклей, уплаченных ранее. Таким образом, за десять месяцев работы у ткача раб принес господину 9 сиклей серебра чистой прибылью²¹.

Тот же Итти-Мардук-балату в сентябре 526 г. отдал своего раба Амель-Шукане на 2 года 3 месяца в обучение ремеслу валяльщика мастеру Иддии, сыну Ки-Сина. В контракте, кажется, имелось обязательство господина давать своему рабу одежду²².

Валяльщик Либлут, сын Ушшайн, 24 августа 531 г. взялся за 6 лет обучить ремеслу Нидинту, раба Набу-шум-иддина, сына Ардии, и его жены Ина-Эсагили-бэлит, дочери Шамаш-илуа. После обучения он должен был передать раба-ученика богу Шамашу (т. е. храму Эбаббарре в Сиппаре). Если раб не будет обучен, господа имели право требовать за него с мастера дань из расчета 3 ка (2,5 л) ячменя за день. Мастер должен получить за обучение раба одежду ценой 4 сикля серебра²³. Этот же валяльщик Либлут в ведомости храма Эбаббарры от 13 ноября 512 г. числится получившим 1/2 курру (76 л) ячменя за работу²⁴. Следовательно, он совмещал работу на частного потребителя с работой на храм.

Обученные ремеслу рабы либо отдавались в наем ремесленникам, нуждавшимся в подмастерьях, либо отпускались на оброк. Мастера, как правило, не брали платы за обучение и часто содер-

²¹ Cyr 64, 315; B. Meissner, *op. cit.*, S. 232.

²² J. N. Strassmaier, *Inscriptionen von Cambyses, König von Babylon*. Leipzig, 1890 (далее Camb), Camb 245.

²³ Cyr 313.

²⁴ J. N. Strassmaier, *Inscriptionen von Darius, König von Babylon*, Leipzig, 1892—1897 (далее Dar), Dar 281.

жали учеников на свой счет, и ученики своим трудом с лихвой возмещали их расходы — в этом заключалась одна из главных причин длительности срока ученичества. Такой порядок устраивал и рабовладельцев и мастеров. Но отдать раба в ученики мог только состоятельный рабовладелец, который мог подождать несколько лет, пока капитал, затраченный им на покупку раба, начнет давать прибыль. Мелкие рабовладельцы такой возможности не имели. Между тем, доход от раба-ткача намного превышал прибыль от неквалифицированного раба.

Табия, сын Набу-ашлу-иддина, потомка Син-или, в декабре 575 г. взял в залог за 36¹/₂ сиклей серебра у своей тетки Куннабаты, дочери Бэл-ле', потомка Син-или, ее раба Арраби. В векселе сказано: если раб покинет Табию, то тетка будет платить за него день из расчета 1 суту (5 л) ячменя в день²⁵. Судя по размеру дани, Арраби был здоровым, но неквалифицированным рабом. Госпожа не сумела его выкупить, и он остался у Табии. В 558—556 гг. Арраби сидел в качестве земледельца в имении своего нового господина на арыке Банитумайя и платил ренту финиками²⁶. Но вскоре он приобрел профессию ткача и, как говорится, „вышел в люди“. Летом 551 г. господин сдал ему в аренду на 10 лет одно из своих имений для посадки финиковых пальм и обеспечил его железными мотыгами. Арраби обрабатывал землю с помощью батраков: часть земли — в счет дани за себя господину, а часть — как арендатор. Кроме того, господин выдал ему на обзаведение 5 мин (2,5 кг) шерсти, и Арраби обязался ежегодно давать ему готовые плащи²⁷. Таким образом, Арраби разбогател и превратился в оброчного рабапредпринимателя, эксплуатировавшего чужой труд как в арендованном имении, так и в ткацкой мастерской.

Упоминавшийся уже Набу-аххе-иддин, сын Шулы, потомка Эгиби, 3 июня 547 г. ссудил Набу-эрешу, сыну Табнеа, потомка Аху-бани, 1/2 мины серебра, взяв в залог на условиях антихрезы его рабыню-прачку Шальму-динин и²⁸. Ему было выгоднее вместо процентов получать доход от труда квалифицированной рабыни.

Наиболее полное представление о продукции, организации про-

²⁵ VAS V 9.

²⁶ VAS III 42; Vas VI 60.

²⁷ VAS V 24.

²⁸ Nbn 340.

изводства, условиях труда и социальном положении вавилонских ткачей дают храмовые документы, в частности из архива Эбаббарры, храма бога солнца Шамаша в Сиппаре. Храмы нуждались в большом количестве текстильных изделий. В каждом из них имелось большое число истуканов божеств, многочисленный штат жрецов и слугителей, множество помещений. Истуканы и жрецов надо было одевать, храмовые помещения убирать в строгом соответствии с ритуалом, расписанным по месяцам, неделям, дням, часам. Для этого требовались всевозможные одеяния, покрывала, скатерти, занавеси, ковры, шторы и т. п., самые дорогие, самого высокого качества. Кроме того, храмы располагали громадным персоналом из свободных и рабов, которые получали одежду от храма. Храмовое хозяйство не могло собственными силами покрыть все потребности и потому постоянно прибегало к заказам у свободных тканей, особенно когда речь шла об изделиях высокого качества. Так, храм Эбаббарру обслуживало несколько мастерских, историю которых можно проследить на протяжении многих лет.

Ткач Набу-бэл-шумате, сын Думмука, стал работать на храм Эбаббарра в конце VII в. 29 августа 608 г. он сдал храму накидку весом в 2 мины (1 кг)²⁹. О размерах заказов, которые он получал, можно судить по его расчету с храмом, произведенному 16 июля 607 г. Он сдал по 31 июля 607 г. четыре партии одежд, в том числе из красной и синей шерсти, весом в 36 мин 33 сикля (19 кг), 45 мины 58¹/₂ сиклей (27 кг), 11¹/₂ мин (6 кг) и 12 мин (6,06 кг). За эту работу храм уплатил ему 18¹/₂ мин серебра, включая 3 мины 52 сикля серебра „содержания“ (*parpassu*) и на 2 мины серебра шерсти³⁰. В 606/05 г. Набу-бэл-шумате поставил храму партию накидок, шарфов и набедренников из шерсти весом в 36 мин (18 кг) и, кажется, обязался поставить еще партию льняных шарфов. Вся эта продукция назначалась для облачения истуканов в храме³¹.

9 октября 603 г. Набу-бэл-шумате получил от храма 11 мин 53 сикля (6 кг) синей шерсти на головную повязку богини Бэлит Сиппарской³². 15 июня 602 г. храм выдал ему сразу 11 талантов

²⁹ VAS VI 15.

³⁰ VAS VI 16.

³¹ VAS VI 17.

³² VAS VI 23.

(333,3 кг) шерсти³³. Свою продукцию он сдавал храму отдельными партиями по весу. Так, 13 мая 599 г. он поставил сразу восемь партий различных шерстяных вещей весом от 37 мин (18,5 кг) до 37 сиклей (около 300 г); 17 апреля 597 г. — две партии в 35 мин (17,5 кг) и 1 мину 10 сиклей (590 г), партию синей шерсти и остался должен храму один набедренник и шарфы для Дочерей Эбabbарру и бога Бунене; 22 августа 595 г. — партию шерстяных поясов, набедренник и тюрбан для богини Бэлит Сипшарской общим весом в 1 мину 50 сиклей (925 г); 27 мая 592 г. — партию одеяний из красной и синей шерсти в 18 мин 23 сикля (9,2 кг)³⁴.

С 592 по 551 г. имя Набу-бэл-шумате редко встречается в сохранившихся документах храма. Известно, что он и некий Шула получали от храма дильмунские финики³⁵ и что Набу-бэл-шумате в 558 г. владел домом в Сиппаре³⁶. 26 октября 557 г. Бакуа, раб Набу-бэл-шумате, получил от храма 1 мину 43 сикля (866 г) льна на изготовление шарфов для истуканов³⁷. 10 ноября 569 г. Надин, сын Набу-бэл-шумате, сдал храму две шерстяные одежды для бога Уригаллу весом в 1⁵/₆ мины (925 г)³⁸. Следовательно, мастерская продолжала работать на Эбabbарру. В 550 г. Набу-бэл-шумате был еще жив и считался владельцем мастерской и работавших в ней рабов Набу-нацира, Бакуа, Набу-упнии и Набу-дини-булту³⁹. Но руководил мастерской уже Набу-нацир-апли, видимо, его сын, причем упомянутый выше раб Бакуа назывался и „рабом Набу-бэл-шумате“, и „рабом Набу-нацир-апли“ одновременно⁴⁰. После 545 г. имя Набу-бэл-шумате исчезает из документов. Очевидно около этого времени он умер.

³³ VAS VI 24.

³⁴ *Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum*, Part IV, London, 1898 (далее CT IV), Bu. 88-5-12, 608; Nbk 87; VAS VI 26, 28.

³⁵ Nbn 159.

³⁶ B. T. A. Evetts, *Inscriptions of the Reigns of Evil-Merodach, Neriglissar and Laborosoarchod*, Leipzig, 1892 (далее Ner, Ev. M. Lab), Ner 29.

³⁷ Ner 65.

³⁸ Nbk 305.

³⁹ Nbn 174, 302, 544.

⁴⁰ Nbn 217, 494, 532.

Набу-нацир-апли работал на храм Эбabbарру с 550 по 531 г. Это были годы расцвета мастерской, которая регулярно выполняла крупные и сложные заказы храма. Помимо упомянутых выше рабов, в мастерской работало еще несколько лиц. В ее сводном отчете за 548 г. названы следующие работники: Нергал-шум-этир, Набу-кацири, Набу-иддин, Нергал-шум-ибни, свободный Нергал-иддин, раб Бакуа и наемный работник Табия; каждый из них назван по имени с указанием изготовленных им вещей из красной и синей шерсти и причитавшейся ему платы за работу, причем троим из них был выплачен аванс⁴¹.

Храм систематически выдавал мастерской сырые материалы — сырую шерсть, синюю шерсть, лен, квасцы, красители, иногда красную шерсть. Получали сырье постоянно рабы Бакуа, Набу-нацир, Набу-упния, изредка сам Набу-нацир-апли. Шерсть и другие материалы отпускались по весу, причем в накладных нередко указывался вид изделий, на который они выдавались, и месяц, для которого эти изделия предназначались⁴². Мастерская регулярно сдавала свою продукцию, которая тщательно приходовалась храмовой бухгалтерией с указанием количества и веса партий, вида изделий, божества, для которого они предназначались, и мастеров, изготовивших изделия. Среди мастеров постоянно фигурируют хозяин мастерской ткач Набу-нацир-апли, его рабы-ткачи Бакуа и Набу-нацир, ткач Нергал-иддин⁴³. Храм оплачивал работу мастерской серебром и натурой. Эти выплаты назывались „содержанием“ *rappasu* или „кормлением“ *kurumātu*, но не „наемной платой“ (*idū*). Выдавались деньги, ячмень, финики, шерсть как по персональным счетам, так и по общим ведомостям, в которых наряду с ткачами числились прочие храмовые работники. Но ткачи мастерской Набу-нацир-апли всегда указывались по именам (Набу-нацир-апли, Бакуа, Набу-нацир, Набу-упния, Нергал-шум-ибни, Набу-дини-булту, Набуна)⁴⁴.

Мастерская Набу-нацир-апли была довольно крупным пред-

⁴¹ Nbn 284.

⁴² Nbn 174, 217, 242, 349, 492, 494, 547, 723, 751, 788, 789, 794, 794, 879, 880, 948, 952, 979; Cyr 202; Camb 133.

⁴³ Nbn 284, 726, 826, 1015; Cyr 104, 186, 191, 259; VAS VI 71.

⁴⁴ Nbn 285, 302, 361, 465, 532, 544, 546, 705, 885, 898, 908; Cyr 296, 352; VAS IV 41.

приятием. В ней, кроме хозяина, работало не менее 11 человек, рабов и свободных. Юридические различия статуса работников на практике здесь не имели значения. Все они, включая хозяина, работали в одинаковых условиях, бок о бок друг с другом и выполняли в процессе производства одни и те же функции. В документах по этой причине отмечалась продукция не мастерской как целого, а каждого работавшего в ней мастера в отдельности. Уровень квалификации мастеров был неодинаков, и храм требовал, чтобы каждый мастер ставил на своих изделиях личное клеймо.

По документам плата начислялась каждому работнику мастерской поименно в соответствии с его продукцией. Но эту плату, как правило, получал не сам работник, а хозяин мастерской или от его имени раб Бакуа. Они же фактически получали сырые материалы от храма на каждого работника мастерской. В этом и проявлялась в документах связь работников с хозяином и их зависимость от него. Владельцу мастерской принадлежали и помещение, и орудия производства. Поэтому часть заработка ткачей шла в его пользу. Так, Набу-нацир-апли не раз получал заработок своего раба Бакуа. Впрочем, последний, будучи высококвалифицированным ткачом, упоминается в документах гораздо чаще хозяина и других работников. По-видимому, он был не только доверенным лицом господина, но и фактическим руководителем работ в мастерской.

Мастера получали от храма-заказчика и сырую шерсть, и крашеную шерсть, и лен, и квасцы, и красители, и пряжу, а сдавали в виде продукции готовые изделия. Следовательно, они выполняли все виды текстильных работ, начиная с мытья, окраски и прядения шерсти и льна и кончая пошивом и вышивкой готовых вещей. Их продукция была исключительно разнообразной и включала, если не все, то большинство видов текстильных изделий, распространенных в то время в Вавилонии. Вавилонский ткач *išpari*, строго говоря, не был ткачем в современном смысле слова — он был текстильщиком-универсалом.

Оплата работников мастерской никогда не называлась „наемной платой“, потому что ткачи работали не по найму, а на заказ, как самостоятельные производители, независимые, по крайней мере юридически, от храма. В связи с этим не существовало и определенной постоянной формы оплаты. В документах отмечены и сделанная, и повременная плата, и аванс за будущую работу, плата се-

ребром и натурой, ибо размер и формы оплаты устанавливались каждый раз при оформлении заказа. Такой порядок опять-таки подчеркивал юридическую самостоятельность мастерской.

Независимость мастерской проявлялась и в том, что она работала не только на храм и не только из материала храма-заказчика, но и на рынок из своего материала. Выше говорилось, что хозяева мастерской иногда получали от храма часть платы шерстью. Эта шерсть не могла идти на храмовые заказы, так как последние всегда обеспечивались сырьем. Не могла эта шерсть идти и на личные нужды мастеров, поскольку в одном случае ее количество достигало 1 таланта 6 мин (33,3 кг) стоимостью в 2 мины серебра. Она могла служить лишь сырьем для изделий, которые мастерская производила для продажи на рынке. Иначе говоря, хозяева мастерской покупали эту шерсть у храма Эбаббарры по безналичному расчету.

Состав свободных работников мастерской, очевидно, не был постоянным. Так, один из них, Нергал-иддин, сын Шамаш-этира, известен и как самостоятельный мастер, работавший на тот же храм Эбаббарру независимо от Набу-нацир-апли. В августе 553 г. он, например, получил от храма 1/2 сикля серебра за работу⁴⁵. В сводном отчете от 5 мая 546 г. числится выдача Нергал-иддину 24 мин (12 кг) шерсти для работы и 5 сиклей серебра платы. Здесь же помечена выплата 4¹/ сиклей серебра Бэл-ушаллиму, сыну Бании, ткачу бога Нергала, за изделия из пурпурной шерсти весом 18 сиклей (151 г)⁴⁶. 24 мая 543 г. ткач Нергал-иддин сдал храму 20 льняных вещей⁴⁷. 10 апреля 536 г. отмечена выдача ему 17 мин (8,5 кг), а затем еще 2 талантов (60,6 кг) шерсти⁴⁸.

Отмеченные особенности мастерской Набу-бэл-шумате и Набу-нацир-апли в той или иной степени характерны и для других ткацких мастерских, выполнявших заказы храма Эбаббарры.

Красильщик (*šabū*) Шамаш-ах-иддин 15 июня 602 г. получил от храма 1 талант 10 мин (35,3 кг) шерсти для окраски в красный цвет⁴⁹. Его сын Шапик-зери руководил мастерской с 573 по 540 г. Он и Лиширу, сын Шамаш-убаллита, получили от храма 5 марта

⁴⁵ Nbn 110.

⁴⁶ Nbn 410.

⁴⁷ Nbn 696.

⁴⁸ Cyl 98.

⁴⁹ VAS VI 24.

573 г. на изготовление красных одеяний для истуканов 1 талант 14 мин (37,3 кг) шерсти⁵⁰. В дальнейшем Шапик-зери занимался, в основном, окраской шерсти. Храм давал ему шерсть, квасцы и красители, а иногда деньги для покупки их на рынке⁵¹. Крашеная шерсть из его мастерской передавалась для дальнейшей обработки другим ткацким мастерским, в том числе рассмотренной выше мастерской Набу-нацир-апли⁵². Вместе с тем Шапик-зери иногда сам получал крашеную шерсть и вырабатывал из нее готовые вещи⁵³. Как и другие ремесленники, работавшие на храм, он получал за свою работу плату серебром и натурой⁵⁴.

В 40-х годах в этой мастерской стали работать Набу-балатсу-икби и Гимиллу, сыновья Шапик-зери. 23 декабря 544 г. Набу-балатсу-икби, уже не в первый раз, сдал храму партию синей шерсти⁵⁵. Но преемником отца стал не он, а его брат Гимиллу, деятельность которого известна с 539 по 526 г.⁵⁶ Гимиллу иногда получал от храма сырье (шерсть, красители, квасцы), а иногда покупал сам красители и квасцы за счет храма, который выплачивал ему стоимость этих материалов. Он окрашивал шерсть и шерстяные вещи в красный и синий цвета. Крашеная шерсть из его мастерской шла в другие мастерские для дальнейшей обработки. Плату за работу Гимиллу получал деньгами и натурой (ячменем, овцами), а также шерстью в виде кормления.

Мастерская Шапик-зери и Гимиллу была более специализированным предприятием, чем мастерская Набу-нацир-апли. Она представляла собой красильное заведение, но в ней производились также ткацкие работы, а ее хозяева именовались и красильщиками, и ткачами, и ткачами цветных вещей. Так что полного выделения красильного дела в самостоятельную профессию здесь еще не произошло. То, что хозяева взамен кормления получали от храма сырую шерсть, свидетельствует о работе мастерской на рынок. Их мастерская,

⁵⁰ Nbk 240.

⁵¹ Nbk 392; Nbn 938, 948, 952, 1061.

⁵² Nbk 286; Nbn 174, 222, 242, 494, 664, 754, 898.

⁵³ *Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum*, Part XXII. London, 1906 (далее CT XXII), no. 13.

⁵⁴ CT XXII 51; Nbn 494, 676.

⁵⁵ Nbn 654.

⁵⁶ Nbn 214, 1029, 1072; Cyl 253; Camb 90, 140, 156, 256.

выполняя храмовые заказы, сочетала работу из сырья заказчика с работой из собственного сырья на рынок. Помимо хозяев, в мастерской трудились их работники. Таковым был, например, ткач Бунене-шарру-уцур, работавший у Шапик-зери⁵⁷.

Ткач Бунене-шиманни работал на храм Эбаббарру не менее 35 лет (с 552 по 517 г.). Он изготавливал различные вещи из льна и шерсти, в том числе цветной, ремонтировал старые вещи⁵⁸. Он был таким же текстильщиком-универсалом, как и упомянутый выше Набу-нацир-апли.

Сказанное во многом относится также к прачечнику Бунене-ибни и ткачу по льну Шуле, работавшим на храм Эбаббарру — первый с 552 по 530 г., второй с 568 по 530 г.⁵⁹ Несмотря на разные наименования профессий, они работали сообща и занимались одним и тем же делом: изготовлением льняных и иногда шерстяных одеяний, шерстяной фурнитуры к льняным одеждам. В то же время они стирали, валяли, ремонтировали вещи, чесали и пряли лен, работали с цветной шерстью.

В мастерской Бунене-ибни, помимо него самого, работали еще шесть человек: Базузу, Бэл-ах-ушабши, Набу-ле, Римут-Бэл, Надин и работник, имя которого в документе разбито. Мастерская Шулы, кроме хозяина, насчитывала семь работников: Шамаш-табни-уцур, Шамаш-ах-[,...], Шамаш-ре ушуну, Ки-[,...], Шарру-[,...], Набу-[,...], и женщина Мура[,...]. Эти работники именовались в документах „мужиками“ (*šabē*). Сколько-нибудь четкого разделения труда между ними не существовало. Среди них определенно имелись рабы, о чем говорит хотя бы наличие в их рядах женщины, т. е. рабыни, ибо свободные вавилонянки не работали по найму в мастерских.

Шамаш-шум-иддин работал на храм Эбаббарру около 35 лет (с 533 по 500 г.). Сначала он был прачечником⁶⁰, а затем стал высококвалифицированным ткачом, изготавливавшим одежды для хра-

⁵⁷ CT XXII 51.

⁵⁸ CT IV Bu. 88=5=12, 336; Nbn 492, 660, 664, 696, 848; Cyl 4; Camb 4, 99, 148, 235, 256, 289, 415, 430; Dar 62, 139.

⁵⁹ Nbn 93, 146, 163, 164, 186, 213, 281, 422, 449, 502, 538, 590, 696, 717, 805, 880; Nbk 312; Cyl 326.

⁶⁰ Cyl 232, 241; Camb 366.

мовых истуканов из красной и синей шерсти⁶¹. Упоминаемый вместе с ним ткач Арди-Бэл⁶² являлся, по-видимому, его работником.

Не менее 25 лет (с 552 по 527 г.) заказы храма выполнял Син-или, работавший с шерстью и льном. У него имелись два работника (или компаньона) — Аххе-иддин-Мардук и Лабаша⁶³.

Ткач цветных вещей Рихету фигурирует в документах храма Эбаббарры с 544 по 526 г.⁶⁴ Он работал для храма только с цветной шерстью, что объясняется, очевидно, его очень высокой квалификацией, позволявшей ему брать заказы только на самые качественные и дорогие изделия. Из этого, конечно, не следует, что он не мог выполнять и другие виды текстильных работ. Рихету пользовался трудом чужих рабов. Так, в 526 г. на него работали Арди-Бунене и Набу-буллитсу, рабы женщины по имени Каппа, которая сама была работницей храма богини Бэлит Сиппарской и занималась прядением льна с шерстью⁶⁵, т. е. тоже не принадлежала к числу свободных вавилонянок.

Среди мастеров, работавших на храм Эбаббарру, имелся портной Арраби, известный по документам с 565 по 546 г.⁶⁶ В одном случае он прямо назван наемным работником (*agru*)⁶⁷, т. е. работал не только на заказ как самостоятельный мастер, но и по найму. Вместе с тем Арраби и сам применял чужой наемный труд. Так, 2 апреля 551 г. он получил от храма для починки семь льняных вещей, из коих пять оставил у себя, а две передал Шамаш-ушабши и Шамаш-зер-ушабши, для которых он, таким образом, являлся работодателем⁶⁸. Некий Арраби встречается также в ведомости на выдачу овец и ячменя храмовым ремесленникам от 14 декабря 526 г.⁶⁹ Возможно, это и был интересующий нас портной Арраби.

Кроме перечисленных мастеров, работавших на храм более или

менее длительное время, в документах с 619 по 504 г. упоминается до 40 ткачей разного профиля, получавших одиночные заказы⁷⁰. Среди них фигурируют просто ткачи, ткачи по льну, ткачи цветных вещей, валяльщики, прачечники и их рабочие. Все эти ремесленники находились в таких же отношениях с храмом-заказчиком, как и рассмотренные выше мастерские. Преобладала работа на заказ из сырья храма. Отклонения от этого правила — работа по найму, выполнение заказа из материалов, купленных самим мастером на рынке, — редки.

До сих пор речь шла о свободных ремесленниках, связанных с храмом лишь деловыми отношениями. Но в архиве храма Эбаббарра есть документы, свидетельствующие о существовании иной формы ткацкого производства. В них, как правило, не указываются имена мастеров и фиксируются лишь их продукция и выданное им довольствие — кормление ячменем и мукой или денежное содержание⁷¹. Здесь мы имеем дело не с заказами у свободных ремесленников, а с деятельностью мастерских самого храма, в которых трудились храмовые рабы и другие зависимые от храма работники (*ширку* и т. п.). О том, из кого состояли и как создавались кадры храмовых ремесленников, можно судить по следующим фактам, засвидетельствованным в документах.

В 50-х годах VI в. до н. э. бог Шамаш (т. е. храм Эбаббарра) отдал своего *ширку* (так называлась категория людей, наследственно прикрепленных к храму) Шамаш-ах-иттанну, сына Бэл-этира, на три года мастеру Нинурта-их-иддину, сыну Адад-шум-уцура, для обучения златоткацкому ремеслу *sabsinūtu*⁷². В 520 г. ряд лиц

⁷⁰ CT IV Bu. 88=5=12, 554, CT XXII 22, 51; J. N. Strassmaier, *Inscriptionen von Nabopalassar und Smerdis*. — „Zeitschrift für Assyriologie“, 4, 1889 (далее Nbp, Sm), Bbp 4, 18; Nbk 169, 180, 186, 190, 278; Ner 19; Nbn 110, 115, 117, 143, 179, 262, 370, 467, 514, 588, 1101, 1115, 1130; Cyr 7, 109, 110, 185, 201; Camb 27, 277 367; Dar 107, 303, 460; ср. R. Ph. Dougherty, *Records from Erech. Time of Nabonidus*, New Haven, 1920 (Yale Oriental Series, Babylonian Texts, vol. VI — далее YOS VI), no. 32, 229.

⁷¹ Nbp 4; Nbk 2, 455; Nbn 78, 252, 320, 507, 694, 703, 951, 1080; Cyr 6, 31, 190, 265, 266, 289; Camb 36, 39, 87, 137; Dar 277, 281, 293, 516, 549; VAS VI 77; YOS 113; A. Tremayne, *Records from Erech. Time of Cyrus and Cambyses*. New Haven, 1925 (Yale Oriental Series, Babylonian Texts, vol. VII — далее YOS VII), no. 4, 16.

⁷² Nbn 172.

⁶¹ Camb 66, 70, 312, 363, 382, 413, 414; Dar 139, 322, 540.

⁶² Camb 312.

⁶³ Camb 158, 175; Nbn 146; VAS VI 107.

⁶⁴ Nbn 624, 818; Camb 229, 230, 244, 256.

⁶⁵ Camb 24, 244; F. E. Peiser, *Texte juristischen und geschäftlichen Inhalts*, Berlin, 1896 (Keilinschriftliche Bibliothek, Bd. IV — далее KB IV), S. 284 f., II).

⁶⁶ Nbn 37, 115, 137, 179, 222, 415, 1090.

⁶⁷ Nbn 37.

⁶⁸ Nbn 179.

⁶⁹ Camb 256.

подарил богу Шамашу, т. е. храму Эбббарра, рабыню Базитум, рабыню-вдову Идintум с сыновьями Шамаш-иддином и Шамаш-нациром и дочерьми Этиртум и Айяштум, рабыню-вдову Мисту с дочерью-вдовой Айя-акаррат и внучкой Инцабтум — всего 9 человек; в дарственном акте указывалось, что рабыни Идintум, Миста и Базитум должны ежегодно давать богу Шамашу три плаща⁷³. 7 сентября 552 г. в Уруке Исиная, раб Римута, на допросе перед 10 гражданами и царским куратором храма Эанна выдал своих товарищей по преступной шайке, среди которых были ткачи Цилла с братом и Набу-уцуршу⁷⁴. 31 января 526 г. эконоом и царский куратор урукского храма Эанна потребовали от Бэл-иддина, сына Апкаллу, потомка Ткача, в течение двух месяцев выдать беглого храмового ткача Куббуту, *ширку* богини Иштар Урукской, или заплатить за него дань храму⁷⁵. В одном из писем чиновник храма Эбббарра приказывает своему подчиненному: „Теперь шерсть, сколько там есть, выдай арабу Абду“⁷⁶. Этот араб-ткач был, видимо, храмовым рабом⁷⁶. В письмах из храмовых архивов Эбббарры и Эанны говорится о побегах ткачей⁷⁷, о выдаче шерсти храмовым ткачам⁷⁸, а также о перебоях в работе ткачих (следовательно, несвободных) и ткачей, вызванных отсутствием шерсти⁷⁹.

Во всех этих случаях речь идет о храмовых рабах и крепостных, о людях, являвшихся собственностью храма. Из них-то и рекрутировались храмовые ткачи. Однако храмовые мастерские не могли покрыть все потребности храмов, и храмы, как мы видели, постоянно прибегали к услугам свободного ремесла, когда нуждались

⁷³ Dar 43.

⁷⁴ A. Pohl, *Neubabylonische Rechtsurkunden aus den Berliner Staatlichen Museen*, Roma, 1933 („Analecta Orientalia”, 8 — далее An. Or. VIII), Nr. 21.

⁷⁵ G. Contenau, *Contrats néo-babyloniens I—II*. Paris, 1927—1929 (Musée du Louvre, Département des Antiquités Orientales, Textes Cunéiformes, t. XII—XIII — далее TCL XII—XIII), TCL XIII 161.

⁷⁶ CT XXII 86.

⁷⁷ A. T. Clay, *Neo-Babylonian Letters from Erech*, New Haven, 1919 (Yale Oriental Series, Babylonian Texts, vol. III — далее YOS III), no. 58.

⁷⁸ CT XXII 184.

⁷⁹ CT XXII 45, 57, 69; G. Contenau, *Contrats et lettres d'Assyrie et de Babylonie*, Paris, 1926 (Musée du Louvre, Département des Antiquités Orientales, Textes Cunéiformes, t. IX — далее TCL IX), n° 116.

в дорогих и высококачественных изделиях. Из этого следует, что в храмовых хозяйствах было мало мастеров высокой квалификации. По-видимому, было выгоднее делать заказы на стороне, чем обучать и содержать таких ремесленников из числа храмовых рабов и крепостных. Храмовые ткацкие мастерские подчас настолько нуждались в рабочей силе, что не могли обойтись без наемных ткачей⁸⁰. А это, в свою очередь, говорит о том, что общество осознало экономические превосходство свободного труда над рабским, подневольным.

Иногда вместо размещения заказов у ремесленников храмы прибегали к покупке готовых изделий на рынке⁸¹. На рынке храмы покупали также сырые материалы — не только красители и квасцы⁸², но даже и сырую шерсть⁸³. Таким образом, в VI в. до н. э. даже храмовые хозяйства, наиболее консервативные и автаркические, уже не могли обходиться без связи с рынком, без услуг и продукции свободного профессионального ремесла в такой сфере, как производство одежды.

Кроме потребностей культа, существовали бытовые нужды храмового персонала в одежде. Они удовлетворялись разными способами в зависимости от социального и имущественного положения того или иного храмового человека. Свободные, располагавшие собственными хозяйствами, обычно получали от храма шерсть⁸⁴, иногда даже цветную шерсть⁸⁵ и лен⁸⁶. Размеры выдач зависели от ранга получателей. Некоторые вместо шерсти предпочитали брать серебро⁸⁷, а кое-кто, не довольствуясь пайком, прикупал

⁸⁰ CT XXII 133.

⁸¹ CT XXII 56, 172; YOS VI 91, 95; Camb 154.

⁸² CT XXII 98; YOS VI 168.

⁸³ CT XXII 17, 49; YOS VI 168.

⁸⁴ Nbp 2; Nbk 14, 295, 375; Nbn 41, 225, 452, 775, 898, 927, 978, 1023, 1099; Cyr 100, 157, 162; Camb 140, 181, 183, 227, 234, 289, 367; Dar 58, 162, 442; VAS IV 37; VAS VI 5, 8; YOS VI 1, 87; YOS VII 76, 133; YOS III 140; TCL IX 102, 104; C. E. Keiser, *Letters and Contracts from Erech written in the Neo-Babylonian Period*, New Haven, 1917 (Babylonian Inscriptions in the Collection of J. B. Nies, I — далее BIN I), no. 16.

⁸⁵ An. Or. VIII 36; Camb 140.

⁸⁶ Nbn 460; Camb 271.

⁸⁷ Nbn 1088; Camb 175, 199, 202.

у храма шерсть⁸⁸. Напротив, лица, не имевшие своего хозяйства, т. е. прежде всего рабы и пролетарии, получали не шерсть, а готовую одежду. При этом рабам, пленным и прочему зависимому люду одежда выдавалась через их надзирателей и начальников⁸⁹. Но лица этих же категорий, оказавшиеся в несколько более привилегированном положении, получали одежду лично⁹⁰ или даже брали вместо одежды деньги⁹¹.

*
* *

Рассмотренный документальный материал позволяет сделать некоторые выводы об уровне развития и специфике производства одежды у вавилонян в VI в. до н. э.

1. Ткачество, будучи важнейшей отраслью промышленности в древности и в средние века, являлось в то же время наиболее консервативным из ремесел. Его превращение в профессиональное ремесло произошло гораздо позже, чем, скажем, обработки металлов, гончарного и строительного дела. Это объясняется тем, что, во-первых, одежда является предметом первой необходимости и, во-вторых, товарные отношения не были достаточно развиты. Пока основная масса населения могла вести натуральное хозяйство, она обходилась одеждой домашнего производства. Так жили не только древние, но и большинство крестьянства Европы и Азии на протяжении многих веков. Только развитие современной промышленности положило конец домашнему производству одежды, сделав его невыгодным и невозможным.

2. Производство одежды у вавилонян в VI в. до н. э. все еще не стало самостоятельным профессиональным ремеслом. Ремесленники-профессионалы занимались, главным образом, выработкой

⁸⁸ Nbn 963.

⁸⁹ Nbk 415, 445; Nbn 104, 290, 662, 824, 896, 1090; Camb 302; YOS VI 218; YOS VII 42, 78, 183.

⁹⁰ Nbn 125, 662, 824, 1121; Cuy 19; Camb 21.

⁹¹ Nbn 824.

предметов роскоши, а повседневная будничная и рабочая одежда попрежнему производилась в рамках домашнего хозяйства. Аналогичный характер производство одежды носило и у других античных народов, например, у греков и римлян.

Другим потребителем готовой одежды и тканей, произведенных ремесленниками-профессионалами, была беднота, лишенная возможности вести домашнее хозяйство. Ткацкое ремесло превращалось в профессиональное по мере роста социально-экономической дифференциации общества и неразрывно связанных с нею товарно-денежных отношений. Основными покупателями ткацких изделий были, с одной стороны, богатая верхушка общества, а с другой — беднота.

3. Развитие профессионального ткацкого ремесла вело к исчезновению этнографических особенностей одежды народа, ибо оно сопровождалось неизбежным заимствованием иноземных мод и материалов, особенно в одежде состоятельных слоев общества. В античном обществе этот процесс ускорялся не только и не столько развитием внешней торговли и международных связей, сколько крупными передвижками населения в результате войн и завоеваний. Так, в Вавилонию в VII—VI вв. до н. э. в качестве пленников и рабов попала масса уроженцев соседних стран — Сирии, Месопотамии и Ассирии, Палестины, Финикии, Египта, Малой Азии, Аравии, Ирана. Они принесли с собой свои одежды, свои навыки и обычаи. Кроме того, среди них было много ремесленников (их в первую очередь угоняли в плен), которые вносили в вавилонское ремесло свои вкусы и приемы работы. Развитие профессионального ткацкого ремесла служило в то же время показателем процесса этнического смешения населения страны, процесса деэтнизации вавилонского населения, который в VII—VI вв. до н. э. и в последующее время протекал весьма интенсивно⁹².

Вавилония и вавилоняне не были исключением. То же самое происходило и у других народов древнего мира. Так, например, хорошо известно распространение азиатских, особенно сирийских,

⁹² В. А. Белявский, *Этнос в древнем мире*. „Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР“, вып. 3, Ленинград, 1967, стр. 24 сл.

мод среди египтян в эпоху Нового царства (XVI—XI вв. до н. э.), греческих мод среди народов Ближнего Востока в эпоху эллинизма (с конца IV в. до н. э.) и у римлян (со II в. до н. э.). Точно также арабское завоевание Ближнего Востока в VII в. н. э. привело не только к арабизации и исламизации населения этого региона, но и к распространению новой моды одежды, возникшей в результате слияния элементов одежды арабов-завоевателей и местного населения.

4. В производстве одежды у вавилонян в VI в. до н. э. наблюдается значительный технический прогресс. Он сказался не только в распространении обработки льна и усовершенствовании техники окраски тканей, но и в появлении новых профессий. Так, наряду с древними профессиями ткача, валяльщика, прачечника, появились шерстоткачи, льноткачи, златоткачи, ткачи цветных вещей, портные, красильщики. Но это были лишь первые шаги в разделении труда вне мастерской в области ткацкого производства. Они давали себя знать только в наиболее квалифицированных работах, тогда как в целом даже профессиональное ремесло оставалось слабо дифференцированным. Ткач обычно выполнял все операции, начиная с обработки сырых шерсти и льна и кончая вышивкой одежды. Он работал с различными видами сырья и производил самые разнообразные изделия. И тем не менее вавилонское производство одежды в VI в. до н. э. не имело равных, кроме египетского, по уровню своего развития. Достаточно сказать, что римское ремесло в Италии даже во II в. н. э. в некоторых отношениях не достигло этого уровня. Так, например, итальянские фуллоны совмещали занятия прачечников и валяльщиков, которые в Вавилонии VI в. до н. э. уже превратились в отдельные профессии⁹³.

5. Вавилонское ткацкое ремесло не знало сколько-нибудь четкого разделения труда внутри мастерской. Каждый работник производил сам все, по крайней мере основные, трудовые операции. Мастерская по сути дела представляла собой простую кооперацию самостоятельных в производственном отношении работников. Социальный состав последних отличался, как правило, большой пе-

⁹³ М. Е. Сергеенко, *Простые люди древней Италии*, Москва—Ленинград, 1964, стр. 71 сл.; М. Е. Сергеенко, *Ремесленники древнего Рима*, Ленинград, 1968, стр. 18 сл.

стротой. В мастерских бок о бок трудились и свободные, и рабы; в процессе производства классовые и сословные грани между ними стирались. Аналогичный характер присущ античному ремеслу вообще, в том числе и греко-римскому⁹⁴.

6. Прогрессивная тенденция в производстве одежды и тканей состояла в постепенном вытеснении домашнего ткачества профессиональным, работы на заказ из материала заказчика работой самостоятельного мастера на рынок. В Вавилонии эта тенденция в VI в. до н. э. уже определенно дала себя знать. Ее развитие означало рост товарно-денежных отношений, углубление общественного разделения труда между земледелием и ремеслом, симптом разложения античного способа производства⁹⁵.

Ткацкое ремесло в Вавилонии VI в. до н. э. обладало всеми типичными чертами античного ремесла. От средневекового феодального ремесла оно отличалось отсутствием четкого разделения труда вне мастерской, а от капиталистической мануфактуры — отсутствием разделения труда внутри мастерской. Ткацкое ремесло, производство одежды, сыграло особо важную роль в экономической истории человечества. Возникновение средневекового феодального города было связано с отделением ремесла, прежде всего ткацкого, от земледелия. По состоянию ткацкого ремесла можно судить о способе производства в том или ином обществе.

Производство одежды более чем какое-либо иное ремесло носит на себе этнографические особенности народа. Его состояние служит своеобразным индикатором этнических процессов. Вытеснение домашнего производства одежды профессиональным в античном обществе является одним из внешних признаков процесса этнической интеграции и формирования античной нации. Одежда постепенно переставала быть отличительным признаком этнической принадлежности человека. Нивелировка одежды целого ряда народов обширного региона, в данном случае Ближнего Востока, сопровож-

⁹⁴ К. Бюхер, *Очерки экономической истории Греции*, Ленинград, 1924, стр. 119; „История древнего мира“, т. 2. Москва, 1936, стр. 322; А. Валлон, *История рабства в античном мире*, Москва, 1941, стр. 332.

⁹⁵ В. А. Белявский, *Этнос в древнем мире*, стр. 23—27, 31—37.

далась утерей этими народами многих обычаев и традиций, связанных с изготовлением и ношением одежды и составлявших важные стороны этнической самобытности. Вавилонские моды превращались в интернациональные, космополитические по мере распространения у соседних народов вавилонской культуры. Но и вавилонская одежда изменялась под влиянием мод соседних народов. Она переставала быть отличительной особенностью самих вавилонян. Во второй половине I тысячелетия до н. э. процесс этнической интеграции населения Передней Азии привел к возникновению сирийской античной нации, говорившей на арамейском языке и унаследовавшей основы вавилонской культуры, включая вавилонскую одежду⁹⁶.

JERZY HAUZIŃSKI

ON ALLEGED ATTEMPTS AT CONVERTING
THE ASSASSINS TO CHRISTIANITY IN THE LIGHT OF
WILLIAM OF TYRE'S ACCOUNT

Medieval Europe learned about the Assassins, the extreme trend of heterodox Islam, from the account of Burchard of Strassburg, who in 1175 set out on a diplomatic mission to the court of the Egyptian ruler, Ṣalāḥ ad-Dīn (Saladin)¹. We do not know the results of the diplomatic endeavours of the German clergyman. The only distinct trace of his mission is the description of the „geopolitical” situation in the Moslem countries which border upon the Jerusalem kingdom². Burchard's account of the trip to the East was included in „Slav Chronicles” by Arnold of Lübeck³. It is there, that we find an interesting account of the Assassins in possibly the most complete form⁴. It should be noted that the author of the „Chronicles” himself, while writing about the assas-

¹ See P. Scheffer-Boichorst, *Zs. f. d. Geschichte d. Oberrheins*, XLIII, 1889, pp. 456—477.

² Compare A. Potthast, *Wegweiser durch die Geschichtswerke des europäischen Mittelalters bis 1500*, Bd I, Berlin 1896, S. 176; *Repertorium fontium historiae medii aevi*, vol. 2: *Fontes A—B*, Roma 1967, pp. 607—8; R. Röhricht, *Bibliotheca geographica Palaestinae*, Berlin 1890, pp. 39—40, N° 95; J. C. M. Laurent in „Serapeum”, XIX, N° 10, 1858, pp. 145—147; *Ibidem*, XX, N° 11, 1859, pp. 174—176; A. Molinier, *Les sources de l'histoire de France*, tome III, Paris 1903, p. 33, N° 2321; P. Lehmann, O. Glauning, — „Zentralblatt für Bibliothekswesen”, Beiheft 72, 1940, pp. 69—73.

³ *Arnoldi Chronica Slavorum. Ex recensione J. M. Lappenbergii in usum scholarum. Ex Monumentis Germaniae — Historicis Recudi fecit Georgius Heinrichus Pertz*, Hannoverae 1868, pp. 264—277.

⁴ *Ibidem*, pp. 274—275.